

Т.Л. Лабутина

Екатерина II и ее двор глазами британского дипломата Джеймса Гарриса

Дипломатическая переписка послов в России с главами внешнеполитического ведомства представляет важный источник для изучения истории международных отношений. Кроме того, она содержит богатый фактический материал по истории внутренней политики страны пребывания, а также характеристики ее государственных деятелей. В своей статье автор обратился к дипломатической переписке Джеймса Гарриса, британского посла при дворе Екатерины II с 1778 по 1783 гг. Анализируя высказывания дипломата об императрице и ее приближенных, автор пришел к выводам о том, что не всегда характеристики первых лиц Российского государства отличались объективностью. Чаще всего положительной оценки посла заслуживали те высокопоставленные чиновники, которые поддерживали интересы Великобритании. В то же время близкое знакомство с обитателями екатерининского двора дало возможность Джеймсу Гаррису представить их оригинальные исторические портреты, что расширяет наши представления о выдающихся государственных деятелях России последней трети XVIII в., а также о той эпохе, в которую они жили.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, международные отношения, дипломатия, Джеймс Гаррис, Екатерина II, государственные деятели, империология

T. Labutina

Catherine II and her court through the eyes of the British diplomat James Harris

Diplomatic correspondence between the ambassadors in Russia and foreign Ministers is an important source for studying the history of international relations. In addition, it contains a wealth of factual material on the history of the country's domestic policy, as well as the characteristics of its statesmen. In the article, the author studies the diplomatic correspondence of the British Ambassador James Harris, who was at the court of Catherine II from 1778 to 1783. Analyzing the statements of the diplomat about the Empress and her relatives, the author came to the conclusion that the characteristics of the first persons of the Russian state were not always objective. Most often, those high-ranking officials who supported the interests of the Britain deserved his positive assessment. At the same time, close acquaintance with the people of the Catherine court gave the British Ambassador an opportunity to present their original historical portraits, which expands the views of our contemporaries about the outstanding statesmen of Russia of the last third of the XVIII century, as well as about the time during which they lived.

Key words: Great Britain, Russia, XVIII century, international relations, diplomacy, James Harris, Catherine II, statesmen, imagology

Чрезвычайный посол Великобритании Джеймс Гаррис прибыл в Россию в 1777 г. и пробыл при дворе Екатерины II до 1783 г. Известный французский дипломат и политик Ш.М. Талейран считал его одним из способнейших дипломатов своего времени [1, с. 202]. Чем же Гаррис заслужил подобную оценку?

Джеймс Гаррис, первый граф Мальмсбюри, родился 21 апреля 1746 г. в Солсбери. Происходил из знатного рода. Его отец Джеймс Гаррис-старший доводился родным племянником известному политику конца XVII в. лорду Шефтсбери. Член палаты общин, философ по призванию, свой досуг Гаррис-старший посвящал изучению трудов древнегреческих философов и филологии. Будущий граф Мальмсбюри получил прекрасное образование в Винчестере, а затем в Оксфорде. Изучал право в Лейденском университете. Блестящее образование, незаурядные способности, а также семейные связи доставили Джеймсу Гаррису в 22 года место полномочного министра при мадридском дворе. Затем, с 1772 по 1776 г., он занимал пост посланника при дворе прусского короля Фридриха II Великого. Дипломатическую деятельность Гаррис

с 1770 по 1774 г. сочетал с работой в палате общин. По возвращении из Пруссии он приобрел новые связи благодаря женитьбе на 16-летней дочери члена парламента сэра Джорджа Корнуоля Генриетте-Марии. Их брак оказался счастливым. В семье родилось четверо детей: две дочери и два сына. В 1778 г. дипломату поручается дело исключительной важности: заключение оборонительно-наступательного союза с Россией. В ранге чрезвычайного посла Гаррис отправляется в Санкт-Петербург.

Помимо информации, касающейся дипломатической миссии, в переписке Гарриса, а также его дневнике сохранился богатый фактический материал о России рубежа 1780-х гг. В центре внимания посла оказались внутренняя и внешняя политика Екатерины II, характеристики императрицы и ее сподвижников, сведения о состоянии армии и флота, финансах и законодательстве империи и многое другое. Первая российская исследовательница корреспонденции посла Д. Атлас отмечала достоверность сообщений Гарриса, поскольку его информация не предназначалась для широкой публики. Недостатки свидетельств Гарриса автор усматривала в плохом знании истории России, что нередко отражалось на его «слишком поспешных и неосновательных» выводах [2, с. 23–24].

Спустя полгода после прибытия в Россию Гаррис извещал главу внешнеполитического ведомства герцога Саффолка о том, что, на его взгляд, представляла собой Россия. «Огромное пространство Русской империи и безопасность ее границ... делают ее завидной союзницей, между тем, как нападение на нее почти невозможно, – писал он. – Разнообразные предметы торговли, которые Европа необходимо должна получать отсюда, наряду с небольшим количеством товаров, потребным для внешнего ввоза, упрочивают независимость и благосостояние страны. Поэтому Россия занимает неоспоримо высокое место между европейскими державами» [5, с. 1496]. Признавая выгодное расположение империи, а также ее богатые природные ресурсы, посол заключал, что все это составляет только следствие «особенного положения» страны [Там же]. «Они существовали еще до цивилизации этого народа, – подчеркивал Гаррис, – и сохранят всю свою силу даже в случае, если бы Россия возвратилась к тому варварскому состоянию, из которого она так недавно вышла» [Там же].

В своем послании Гаррис подметил отсутствие строгой системы управления, недостатки в исполнении законов. «При самодержавном образе правления все зависит от личного характера государя» [Там же], подчеркивал дипломат, объясняя, почему задался целью изучить характер императрицы. По его мнению, Екатерина II обладает «редким умом, упорством в однажды задуманном плане и твердостью в его исполнении» [Там же]. Вместе с тем, ей недостает качеств, более свойственных

мужчинам, таких, как хладнокровное обсуждение и спокойное самообладание при решении сложных вопросов. В то же время императрице присущи определенные слабости: лесть, тщеславие, «невнимание к полезным, но неприятным советам и то расположение к чувственным удовольствиям, которое доводит ее до крайностей, унижительных для женщины, в какой бы сфере она ни находилась» [5, с. 1497].

Гаррис весьма критически отзывался о внешней политике, проводимой Екатериной II. Ее действия в Польше, в результате которых на троне «без всяких на то оснований» оказался король Станислав Понятовский, которого императрица то поддерживала, то оставляла без внимания, чем «довела эту республику до состояния отчаяния и анархии» [Там же], начавшаяся война с Турцией, война, которая может привести неизвестно к каким бедствиям, – все это, считал Гаррис, результаты непродуманной политики императрицы.

Гаррис быстро убедился в том, что императрица самостоятельно руководит внешней политикой России. «Она не позволяет министрам управлять собой» [5, с. 1471], – писал он в депеше 1 мая 1778 г. и отмечал, что, кроме самой Екатерины и гр. Н.И. Панина, никто не вмешивается в иностранные дела. Да и сам граф в беседе с послом подтвердил, что государыне «не нужны ничьи советы или позволения, чтобы вступить в отношения, какие ей заблагорассудится» [Там же, с. 1478].

Неутешительной представилась Гаррису внутренняя политика Екатерины II. Все «великие понятия о законе и справедливости» в России искажены: «высшие притесняют низших без всякой нужды, а низшие воруют и грабят без всяких опасений» [Там же, с. 1498]. Впрочем, справедливости ради, заметим, что Гаррис обратил внимание также и на положительные стороны деятельности императрицы: основание колоний для переселенцев из Германии, открытие воспитательных заведений для молодых людей обоих полов. Упомянул дипломат и о Своде законов, «мастерски начертанном самой императрицей», который еще не рассмотрен, да, и к тому же, «приведение его в действие невозможно» [Там же, с. 1499].

Завершая описание Российской империи, посол констатировал: «Цветущая торговля и увеличивающиеся доходы, следствия неисчерпаемых богатств страны и усиления цивилизации, даже в самых отдаленных частях империи, – все это вместе с мудрым управлением скоро бы возвратило стране ее силу и могущество» [Там же]. Однако тщеславие императрицы «воздвигает препятствия на пути к этим улучшениям» [Там же]. «Уверенная льстецами, что Россия величайшая империя в свете и утвердившись в этой мысли... она (императрица. – Т.Л.) никак не может увидеть состояние своей страны в истинном свете» [Там же].

На взгляд Гарриса, исправить положение помогли бы друзья, с которыми следовало обращаться «внимательнее» [5, с. 1499]. Здесь, судя по всему, посол недвусмысленно намекал на нежелание императрицы заключить оборонительный союз с Англией.

В какой мере остались прежними или претерпели изменения первые впечатления посла о Екатерине II и проводимой ею политике за время его пребывания в России? В одной из депеш в 1779 г. Гаррис упоминал о том, что Екатерина II до того, как стать императрицей, «употребляла все свободные часы... на соби́рание тех материалов, которые сделали первые семь или восемь лет ее царствования одним из блестящих периодов русской истории» [6, с. 151]. Тогда императрица управляла «систематично, последовательно и с достоинством» [Там же]. Перемены в ее деятельности произошли, на взгляд посла, после того, как она попала под влияние прусского императора Фридриха II. Вслед за этим последовало «несчастное разделение Польши» [Там же]. Негативное влияние на характер императрицы оказало, по мнению Гарриса, также лишение «своих милостей» защитника английских интересов кн. Г.Г. Орлова, которому удавалось сдерживать прежде ее «непозволительные чувства» [Там же]. К тому же двор императрицы, управляемый ею сначала «с величайшим достоинством и с полным соблюдением этикета, малопомалу сделался зрелищем распущенности нравов, которая усилилась так быстро, что в непродолжительное время... нравы и привычки совершенно изменились. На возвращение к лучшему нет более надежды», – заключал посол [6, с. 152].

Обращаясь к характеристике Екатерины, Гаррис отмечал ее образованность, «блестящие способности», «возвышенный ум», «редкую сметливость» [8, с. 856]. В то же время посол нередко высказывался критически о характере и деятельности Екатерины. «Эта великая жена, несмотря на многие замечательные и высокие качества, часто обращается в простую женщину и нередко играет веером, думая, что держит скипетр», – писал Гаррис лорду Монстюарту в Турин 14 октября 1782 г. [Там же, с. 861]. Один из серьезных недостатков императрицы он усматривал в ее чрезмерной склонности к чувственным удовольствиям. «Старость не усмиряет страстей: они скорее усиливаются с годами, – доносил Гаррис в Лондон, – и близкое знакомство с одной из самых значительных европейских барынь убеждает меня в том, что молва преувеличила ее замечательные качества и умалила ее слабости» [4, с. 594]. Особенно раздражала дипломата в Екатерине переменчивость ее настроения, которая сказывалась на принятии решений в переговорном процессе. «Императрица становится со всяким днем подозрительнее и порывистее, – докладывал посол в Лондон 25 июня 1781 г. – Из повелительницы,

которой было легко и приятно служить, она сделалась столь капризной, что ей невозможно угодить, и слуги ее испытывают эту странную перемену столько же, как ее министры и любимцы» [8, с. 782]. Примечательно, что на переменчивый характер императрицы указывал ее первый министр и фаворит кн. Г.А. Потемкин. В одной из бесед с Гаррисом в начале апреля 1781 г. князь заметил, что Екатерина «опустилась больше, чем можно себе вообразить... не оставалась ни одного дня в одинаковых чувствах... с таким упорством держалась собственного мнения, что принимала советы, лишь когда они вполне согласовались с ее мыслями... и не слушала ничего, кроме самой преувеличенной лести; словом... характер ее по своим свойствам подчинялся лишь первому порыву страсти, а здравый совет и систематическое рассуждение были для нее несносны» [Там же, с. 768–769].

Неодобрительно отзывался Гаррис и о внешней политике императрицы. В письме к приятелю в Берлин 7 февраля 1782 г. он писал: «Постоянные интересы государства приносятся в жертву интересам минуты. Благоразумная система политики, столь важная для Европы вообще, выгодная для России и *полезная для Великобритании* (выделено нами. – Т.Л.), забыта. О том, что может произойти, никогда не думают; а главная цель состоит в том, чтобы извлечь немедленную выгоду из того, что происходит, не принимая в соображение, относится ли то к ущербу приятеля или врага и не размышляя о непосредственных последствиях» [Там же, с. 827]. Все чаще сталкиваясь с неуступчивостью Екатерины в переговорах, Гаррис не мог сдержать своего разочарования действиями императрицы. В письме лорду Монстюарту он сообщал: «У нас на родине с самого начала наших бедствий (война с Испанией и Францией. – Т.Л.) руководители наши ожидали помощи от этой великой государыни. Она обещала нам ее... Надежда на эти обещания, вместе с общностью торговых и политических интересов обеих держав, укрепляли эти ожидания. Опыт, однако, скоро доказал Англии, на каком песчаном основании воздвигалась эта надежда. Обращения наши за помощью сначала избегали, потом их отклоняли и наконец их стали отвергать без всякой церемонии. Наши предположения насчет союза... обыкновенно подвергались той же участи; и мы неизменно встречали равнодушие, холодность и даже нечто еще худшее там, где не без оснований рассчитывали найти... дружбу и поддержку» [Там же, с. 860–861].

В своей корреспонденции Гаррис затрагивал не только политику Екатерины II, но давал характеристики как отдельным приближенным и министрам, так и царскому двору в целом. Его оценки двора императрицы чаще всего негативны. Двор представляет «зрелище интриг, происков, разврата и испорченности» [5, с. 1490], – сообщал посол

в Лондон. Полагая, что приближенные Екатерины оказывают на нее негативное влияние, дипломат констатировал: «последние остатки приличия и этикета... исчезнут окончательно и с ними вместе погибнет и всякая надежда на перемену в нравах императрицы» [6, с. 146]. Нам представляется, что на оценки двора Екатерины явно повлияли неудачи дипломата в переговорах с ней о заключении оборонительного союза. «Нам нечего больше ожидать от этого двора при обыкновенном ходе переговоров, – писал Гаррис в депеше 24 мая 1779 г. – Руководящие личности слишком богаты, чтобы согласиться на подкуп, слишком упрямы для убеждения и слишком необразованны, чтобы выслушать прямое слово правды» [Там же, с. 155].

Гаррис обращал внимание на расточительность императрицы. Он отмечал, что балы, ужины, различные увеселительные мероприятия при дворе стоили недешево для государственной казны. Так, после празднеств по случаю рождения внука императрицы вел. кн. Александра Павловича, на которое, полагал посол, Потемкин потратил 50 тыс. руб., императрица устроила праздник, который «великолепием и изяществом превзошел все, что можно придумать в этом роде» [5, с. 1483]. За ужином десерт подавался на «драгоценных блюдах, сверкавших камнями, на сумму до двух млн фунтов стерлингов» [Там же].

Расточительность императрицы, которая приводила дипломата в изумление, распространялась не только на различные празднества. Пожалуй, самой значительной статьей в расходах Екатерины II являлось содержание ее фаворитов. Мимо внимательного взгляда посла не прошла череда любовников Екатерины, которые менялись за время его присутствия при дворе. О каждом из них Гаррис считал необходимым сообщать в Лондон. Возможно, делалось это не только для того, чтобы скомпрометировать императрицу в глазах общественного мнения и правящих кругов Великобритании, но также чтобы воспользоваться ситуацией и привлечь кого-либо из фаворитов к себе в качестве информатора. Гаррис обратил внимание на значительные расходы государственной казны на прощальные подарки фаворитам. «Со времени моего приезда сюда, – писал Гаррис лорду Стормонту 23 апреля 1782 г., – на это ежегодно тратилось не меньше миллиона рублей, кроме огромных пенсий князей Орлова и Потемкина» [8, с. 841].

Касаясь личной жизни императрицы, Гаррис особое внимание уделил ее отношениям с сыном – вел. кн. Павлом Петровичем. Будущий наследник престола представлял далеко не праздный интерес для правящих кругов Великобритании, и потому посол самым внимательным образом наблюдал за поведением великого князя, а также его окружением, в особенности за теми людьми, которые оказывали на него

влияние. В депеше от 3 октября 1778 г. Гаррис писал лорду Стормонту: «Вот уже несколько времени, как я обещал сообщить вам все сведения, которые мне удастся получить относительно способностей и характера наследника империи» [5, с. 1502]. И далее он подробно описывал биографию и характер великого князя. С самого детства Павел Петрович был поручен заботам Панина, а также лифляндского дворянина Т.И. Остервальда. На взгляд Гарриса, оба наставника не составили «правильной системы образования» [Там же] подопечного. В результате великий князь освоил лишь отдельные предметы. Так, от Остервальда он получил «весьма основательные понятия» о внутреннем управлении империи, а от Панина «порядочное знание» новейшей истории Европы [Там же]. Юному князю преподавали также искусства и знакомили с философскими учениями. Однако великий князь, на взгляд Гарриса, «мало воспользовался этими стараниями» [Там же]. Поскольку Павел, по его мнению, от природы «был неловок и угловат в манерах» [Там же], то большую часть времени он предпочитал уделять танцам, верховой езде и французскому языку. Именно во всех этих предметах он достиг «значительной степени совершенства» [5, с. 1503].

Насколько суждения Гарриса об образовании Павла Петровича были объективными? Согласно современным исследованиям, первым воспитателем Павла был дипломат Ф.Д. Бехтеев. В 1760 г. по указанию императрицы Елизаветы Петровны главным наставником юноши стал Панин, обладавший обширными познаниями и разделявший идеи Просвещения. Панин обозначил весьма обширный круг предметов, которые должен был изучать его воспитанник и назначил учителей-предметников. Так, Закон Божий преподавал митрополит Московский Платон (П.Г. Левшин); Дж. Миллико обучал музыке, а Гранже – танцам. Великому князю преподавали также историю, географию, арифметику, астрономию, иностранные языки (французский, немецкий, латинский, итальянский), русский язык, рисование, фехтование. Не без влияния Панина Павел ознакомился с трудами французских просветителей: Вольтера, Дидро, Монтескье. По мнению специалистов, к учебе у Павла были неплохие способности, у него было развито воображение, он любил читать книги, хотя был неусидчив и нетерпелив. В целом образование Павла Петровича, по мнению современных исследователей, являлось лучшим, какое только было доступным в то время [9].

Гаррис отмечал, что до первого брака Павел находился в полном подчинении у матери и был окружен только теми лицами, которых она ему назначила, и, «если он имел некоторую сыновнюю привязанность, то происходила она больше из страха, чем из сердечного чувства» [5, с. 1503]. В 1773 г. Павел женился на вел. кнг. Наталье Алексеевне,

урожденной принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской. Гаррис обращал внимание на то влияние, которое она оказывала на великого князя, сумев «отыскать искусство управлять им» [5, с. 1503]. Павел Петрович был вынужден удалить немногих друзей, которых до того выбрал сам, и с тех пор «его общество, его развлечения, даже самые чувства, все вполне подчинилось его жене» [Там же]. Неудивительно, что подобное подчинение супруге не принесло радости великому князю. «Нрав его из живого и быстрого сделался грустным, тяжелым и апатичным», – заключал дипломат [Там же].

Примечательно, что Гаррис обратил внимание на отношения великой княгини с гр. Ан. К. Разумовским, который был у нее «близким человеком» [Там же]. Дипломат полагал, что граф получал указания, «вместе с большей частью своего дохода» [Там же], от министров Бурбонского (правящая династия в Испании и Франции. – *Т.Л.*) дома. Естественно, что подобное поведение невестки не могло понравиться императрице, и Екатерина не раз ее в этом упрекала. Однако слова императрицы, на взгляд дипломата, оставались бесполезными. Молодая принцесса была властолюбива и решительна, и неизвестно к чему могло привести их соперничество, если бы не внезапная кончина великой княгини, скончавшейся при родах 15 апреля 1776 г.

Новая супруга Павла принцесса София-Доротея Вюртембергская (в православии – Мария Фёдоровна) удостоилась более лестной характеристики Гарриса. Он полагал, что ее характер «совершенно противоположен нраву прежней [жены Павла]... Она кротка, приветлива и глубоко проникнута понятием о супружеских обязанностях» [5, с. 1504]. Под ее влиянием великий князь сделался разговорчивым, веселым и «чаще проявляет личную волю» [Там же]. Великая княгиня своей «постоянной услужливостью» [Там же] и вниманием заслужила привязанность Павла, который очень ее любит. «В настоящую минуту они совершенно счастливы друг с другом», заключал Гаррис [Там же].

Завершая характеристику великого князя, Гаррис констатировал: Павел Петрович, «не будучи одарен высшими способностями... обладает достаточной долей понятливости, чтобы управлять страной» [Там же]. А для этого ему остается только «справиться с некоторым непостоянством в привязанностях и нерешительностью в действиях» [Там же], что посол относил к молодости великого князя, а также к зависимому его положению от матери.

Отношения императрицы с сыном, действительно, оставались сложными, и Гаррис в своих депешах нередко обращал на это внимание. Его поражала всеобъемлющая, даже в мелочах, подчиненность великокняжеского двора императрице. «Без разрешения императрицы

никто не имеет доступа к великокняжеской чете», – отмечал дипломат [2, с. 41]. Фавориты Екатерины относились к ним с высокомерием и равнодушием. «С великим князем и великой княгиней Потемкин и его партия обращаются, как с лицами, не имеющими никакого значения», – докладывал Гаррис в Лондон 29 января 1779 г. [6, с. 146].

Справедливости ради стоит отметить, что при всем сложном характере отношений Екатерины с сыном она не скупилась в средствах на его содержание и те прихоти, к которым тот был привязан. Как отмечал польский ученый К. Валишевский, Павел получал 175 тыс. руб. в год для себя и 75 тыс. для своей жены, не считая денег, отпускаемых на штат его двора. Таким образом, заключал исследователь, с материальной стороны он был обеспечен очень хорошо [3, с. 23].

Немало страниц в корреспонденции Гарриса отведено характеристикам первых лиц в правительстве Екатерины: Панину, Потемкину, Безбородко. Среди них особое место занимал выдающийся государственный деятель Никита Иванович Панин, возглавлявший ведомство внешней политики с 1762 по 1783 гг. Он являлся автором создания системы т.н. «Северного Союза», или «Северного Аккорда». Цель данной системы Панин усматривал в возвеличении престижа и значения России через создание союза северных держав для противодействия агрессивным действиям Бурбонской и Габсбургской династий. В 1771–1772 гг. усилилось противостояние между партиями Панина и братьев Орловых. Когда Павел Петрович вступил в первый брак, Панин сумел обеспечить свое влияние на его супругу. Екатерина была очень недовольна подобным вмешательством Панина в ее семейные дела и воспользовалась женитьбой Павла, чтобы удалить графа от должности воспитателя. Вместе с тем она щедро его наградила, и в 1773 г. Панин стал первым в истории действительным тайным советником 1-го класса (что соответствовало чину государственного канцлера).

Каким же представил Панина британский посол? Поначалу граф произвел на Гарриса самое благоприятное впечатление. Дипломат хвалил его «прекрасное сердце» и сообщал в Лондон, что Панин с братом (генералом П.И. Паниным) «известны своей честностью» [2, с. 47]. Он надеялся, что сближение Панина с Г.Г. Орловым, известным своими англофильскими предпочтениями, пойдет на пользу интересам Великобритании. И оснований для надежд посла имелось предостаточно, поскольку, как он писал, граф Панин и князь Орлов, «бывшие до сих пор врагами непримиримыми, теперь сделались величайшими друзьями» [5, с. 1494]. Однако вскоре Гаррис изменил свое отношение к первому министру, убедившись, что тот не только не симпатизировал англичанам, но преследовал интересы Пруссии. «Граф Панин ни в каком

отношении не дружественен к нам, – писал дипломат 4 июля 1779 г., – он всякую идею получает от Его прусского величества и принимает ее, не подвергнув ни размышлению, ни разбору» [6, с. 159]. Неудивительно, что высказывания Гарриса о Панине стали носить негативный характер. Гаррис отмечал «необыкновенную леность и рассеянную жизнь» [5, с. 1484] первого министра, его желание избавить себя от лишних хлопот. На взгляд посла, Панин очень немного времени уделял делам государственным: о делах империи «он заботится также мало, как будто бы они вовсе до него не касались» [6, с. 144–145]. Хитрость, считал англичанин, является основной чертой его характера [Там же, с. 153]. И хотя Панин ежедневно принимал Гарриса в своем доме «с полным радушием и уважением» [7, с. 377], посол ему не доверял.

Негативное отношение Гарриса к Панину наиболее ярко проявилось в его послании к лорду Стормонту от 15 июня 1780 г. «Я имею самые сильные доказательства упорной, систематической ненависти графа Панина; его озлобление против Англии, накапливавшееся в течение десяти или двенадцати лет, теперь разразилось со всем ожесточением врага, который так долго принужден был скрываться под маской друга. Он мстителен и злопамятен, – продолжал Гаррис. – Он оказал мне честь, включив меня... в общую анафему, произнесенную им против всей нации» [Там же, с. 397]. Гаррис не раз упрекал Панина в негативном отношении к Англии. «Когда произошла попытка сжечь русский флот, всякий стал приписывать этот поступок тому народу, к которому питал нерасположение, – писал дипломат в Лондон 21 июля 1780 г. – Граф Панин обвинял в том английских моряков и убедил в этой мысли великого князя» [Там же, с. 401].

Желая избавиться от неудобного «переговорщика», каким являлся для Гарриса Панин, посол попытался очернить первого министра в глазах императрицы. Во время одной из бесед с Екатериной англичанин заявил, что первый министр является самым опасным ее врагом, своей целью преследует союз с Францией, «вполне предан королю Прусскому» [Там же, с. 425] и служит ему больше, чем императрице. Подобные обвинения Гарриса, разумеется, не могли оставить Екатерину равнодушной. И если в начале беседы она утверждала, что хорошо знает Панина и что его интриги не производят на нее никакого влияния, то в конце разговора уже категорически заявила: «Не поручайте ему ничего, кроме письменных объяснений, тогда ему нельзя будет ничего переменить. Если же он скроет от меня истину, я его выгоню» [Там же, с. 427]. Не исключено, что на решение императрицы отправить Панина в отставку в какой-то мере повлияли подобные обвинения Гарриса. Во всяком случае, из разговора с Потемкиным посол узнал, что его

высказывания послужили первым поводом к падению Панина, поскольку после беседы с дипломатом императрица «стала отыскивать и находить весьма достаточные доказательства истины» слов посла [8, с. 797].

Если к Панину Гаррис относился критически и даже считал его своим врагом, то с Потемкиным у него установились самые доверительные отношения. Выдающийся государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал кн. Григорий Александрович Потемкин привлек внимание британского посла практически сразу по приезде в Петербург. Он подметил два важных момента: влияние, которое князь оказывал на императрицу, и его соперничество с Паниным. Как отмечала британская исследовательница И. де Мадариага, Гаррис, конечно, был в курсе соперничества Панина и Потемкина, но он заблуждался в том, что главной тому причиной послужило их отношение к Британии. На самом деле, полагала она, личное соперничество между ними происходило из-за «Греческого проекта». Панин выступал за постепенную переориентацию курса внешней политики России направленную на союз Пруссии России и Османской империи, что входило в интересы Фридриха II. Императрица и Потемкин высказывались за уничтожение влияния Порты [10, р. 122].

Оба обстоятельства (влияние на Екатерину и соперничество с Паниным) позволяли Гаррису добиваться поставленных целей. Примечательно, что дипломат неоднократно называл Потемкина «своим другом» и «приятелем» [8, с. 773, 778, 782]. Определяющим в дружеском расположении к князю, судя по всему, посол считал его симпатии к Англии. В одной из депеш в Лондон Гаррис писал: «Я провел часть прошлой недели в деревне князя Потемкина, в Финляндии. С нами не было никого, кроме избранной части его семейства; и когда он не находился в их обществе, то вполне принадлежал мне. Я, имев случай окончательно изучить его характер, – продолжал дипломат, – дошел до убеждения, что... он действительно и сильно расположен быть нашим другом» [7, с. 399]. Гаррис не сомневался, что Потемкин старался сделать все «в пользу» англичан [8, с. 783]. Он встречался с князем довольно часто, нередко в его доме, в любое время суток, если того требовали их общие дела. «Когда все удалились, мы с ним (Потемкиным. – Т.Л.) имели весьма продолжительный и интересный разговор, – извещал Гаррис лорда Стормонта. – Он был общительнее, чем обыкновенно, и говорил о характере императрицы, о настоящем состоянии империи и о личном своем положении, обнаруживая самое глубокомысленное суждение и проницательность и доказывая в то же время самое полное доверие к моей сдержанности и умению сохранять тайну» [7, с. 407]. Как видно, князь вполне мог делиться с британским послом информацией, отнюдь не предназначенной для иностранца.

Каким же образом князь Потемкин предполагал оказывать помощь англичанам? Так, он позволял Гаррису знакомиться с перепиской императрицы с главами других государств [8, с. 753]. Но самым весомым аргументом в действиях Потемкина являлось, безусловно, его влияние на Екатерину. Гаррис подчеркивал, что выбор фаворитов для императрицы, как правило, производил сам князь. Естественно, что это были лица, преданные лично ему. Когда же это не удавалось, то он всячески противился «выбору предполагаемого любимца», для чего употреблял «все средства, подсказанные ему его хитростью и влиянием его на императрицу» [5, с. 1501].

О значительном влиянии Потемкина на императрицу Гаррис сообщал в Лондон 24 мая 1779 г. «Князь Потемкин управляет ею (императрицей. – *Т.Л.*) самым неограниченным образом, – писал дипломат, – изучив до тонкости ее слабости, желания и страсти, он пользуется ими, направляя их согласно со своими целями» [6, с. 152]. Гаррис заключал: Потемкин упрочивает за собой свое влияние «гораздо более, чем обыкновенно удается любимцу государя с самодержавной властью» [Там же, с. 153].

Судя по высказываниям Гарриса, Потемкин был ему всецело предан и действовал в интересах британцев. Однако И. де Мадриага опровергала подобное утверждение. «Очевидно, – писала она, – что Гаррис сам сделался до некоторой степени управляемым фаворитом. Он упустил инициативу из своих рук, позволив решать, в каком виде отношения Британии и России должны развиваться, одному из выдающихся российских государственных мужей, сделавшего совсем немного, чтобы заслужить доверие Гарриса» [10, р. 120].

В своей корреспонденции Гаррис давал характеристики также другим лицам, приближенным к императрице. Среди них особое место занимали братья Орловы, Григорий и Алексей. «Я постоянно старался поддерживать знакомство с Орловыми, – писал дипломат в Лондон 2 февраля 1781 г., – и, хотя они отъявленные враги моего друга (Потемкина. – *Т.Л.*), но мне до сих пор удавалось сохранять с ними хорошие отношения... Задача эта была мне весьма облегчена их особенно либеральным характером и их доброжелательством к Англии» [8, с. 747]. Как видно, англофильство братьев Орловых послужило основой для контактов с ними британского посла.

В одной из первых своих депеш в Лондон Гаррис отметил, что Григорий Орлов был единственным человеком, с которым можно «откровенно объясниться» [4, с. 586]. «Он был очень дружелюбен и, кажется, совершенно искренен в своих уверениях приязни и предпочтении к нам и к союзу с нами, – продолжал дипломат. – Но он говорил, что уже

не имеет никакого влияния при дворе» [4, с. 586]. Гаррис попытался разубедить бывшего фаворита, утверждая, что его влияние на Екатерину «не уничтожено, а на время только устранено» [Там же, с. 586–587]. Хотя слова посла и не произвели должного впечатления на князя, тем не менее, он заверил Гарриса, что поддержит англичан, если их дело будет обсуждаться в Государственном совете [Там же, с. 587].

Как бы то ни было, но Гаррис все же продолжал надеяться, что Григорий Орлов сможет быть полезен ему в налаживании контактов с императрицей. На его взгляд, отставка Орлова являлась ударом для самой Екатерины, поскольку князь, «хотя не отличался особенным умом, но, будучи человеком безукоризненной прямоты и честности, охранял ее от растлевающей лести, которой... она так жадно внимает» [6, с. 151]. Впрочем, надеждам Гарриса не суждено было сбыться по причине наступившей князя болезни: Григорий Орлов лишился рассудка. Болезнь князя повергла императрицу в «глубокое горе» [8, с. 869]. Гаррис сообщал в Лондон 4 ноября 1782 г.: «Кажется, никогда в продолжение всей ее жизни, чувства ее не были так сильно и тяжело потрясены, как этим грустным событием, поразившим ее первого любимца, человека, который постоянно оставался предметом ее главной привязанности, если не страсти» [Там же]. Екатерина обращалась с ним с «самым нежным участием» [Там же]. Посол подметил, что Орлов нередко говорит императрице «самые неприятные вещи» [8, с. 870]. Однажды он заявил, что «раскаяние и угрызения совести довели его до сумасшествия и что участие, некогда принятое им в черном деле (убийстве Петра III. – *Т.Л.*), навлекло на него наказание Божие» [Там же, с. 869].

Как мы могли убедиться, определяющим в выборе высокопоставленных чиновников, которые могли оказать какую-либо помощь или содействие в решении дипломатических вопросов, для Гарриса являлась их приверженность к английским интересам. Не стал исключением среди подобных англоманов и секретарь императрицы граф (впоследствии – князь) А.А. Безбородко. 26 февраля 1781 г. посол докладывал в Лондон: «Секретарь Ее императорского величества был введен в общественную деятельность маршалом [П.А.] Румянцевым. Граф Алексей Орлов имеет самое высокое понятие о его способностях и честности и считает его другом Англии» [Там же, с. 752]. В другой своей депеше Гаррис писал: «Секретарь, кажется, хорошо к нам расположен; и он единственный человек, на кого я могу положиться и от которого могу получить существенную помощь» [Там же, с. 840]. Действительно, дипломат не получал необходимую информацию от Безбородко, а также передавал через него свои депешы для императрицы.

Надо заметить, что многие высокопоставленные чиновники Екатерины не случайно становились англоманами. Ведь сама российская императрица никогда не скрывала своих симпатий к Англии и англичанам. Об этом Гаррис не раз упоминал в своих депешах. Если поначалу посол считал, что Екатерина «настолько же расположена к Англии, как к Пруссии» [6, с. 154], то постепенно убедился в том, что она, судя по ее собственным словам, «всегда была и всегда останется истинным другом Англии» [Там же, с. 158]. «Ничто не может быть искреннее моей дружбы к Англии», – утверждала императрица в беседе с послом [Там же, с. 159]. Гаррис не сомневался в искренности слов Екатерины и пытался заверить в том других. «Будьте уверены, – писал он сэру Роберту Кейту в Вену, – что императрица любит нас, как народ и... никогда не повредит нам» [7, с. 391]. Во время частной беседы с послом Екатерина прямо заявила: «Я люблю ваш народ, как свой собственный» [Там же, с. 423]. А далее продолжала: «Я друг Англии, как по личному расположению, так и по расчету» [Там же, с. 426]. Естественно, что подобные заявления не могли не убедить посла в том, что Екатерина питает к британцам «сильнейшую дружбу и расположение» [8, с. 751], и что она сделает все возможное, чтобы на деле доказать это. Потемкин подтвердил подобные намерения императрицы и во время одной из бесед с Гаррисом сообщил, что государыня «искренне и неизменно» [Там же, с. 755] расположена к британскому народу, «интересы и благополучие которого после благосостояния ее собственных подданных ей всего ближе к сердцу» [Там же, с. 756]. Доказала она это тем, что «постоянно искала самого тесного союза» с королем Великобритании, и заключение такого союза «всегда было ее первым желанием» [Там же].

Дружеское отношение к Англии Гаррис усматривал также в особом расположении императрицы лично к нему. «Она продолжает оказывать мне необыкновенное отличие», – писал Гаррис в депеше 29 января 1779 г. [6, с. 145]. «Милости императрицы ко мне превосходят всякую меру», – отмечал он месяц спустя [Там же, с. 146]. «Если бы она не имела ко мне особенного уважения, она никогда бы не согласилась принять меня таким необыкновенным образом» (в личных покаях. – *Т.Л.*), – докладывал посол в Лондон 9 сентября 1779 г. [Там же, с. 167]. Особенно импонировало Гаррису то, что императрица вела с ним частные беседы наедине, что он расценивал как особый знак доверия и расположения с ее стороны.

Казалось, что при таком благосклонном отношении к англичанам Екатерина должна была активно продвигать и защищать их интересы и даже идти на уступки в ущерб интересам собственной страны, если того потребует Англия. Однако этого не произошло. Екатерина скорее

на словах, нежели на деле выражала свое расположение к Англии, предпочитая проводить самостоятельную политику и действовала исключительно в интересах России. Этот факт Гаррис был вынужден признать. «Я... чувствую себя совершенно несчастным от сознания, что, хотя пользуясь... отличиями в столь необыкновенных размерах, – писал он в Лондон 25 сентября 1780 г., – не могу извлечь из него тех единственных выгод, о которых прошу; что ничего из предпринимаемого мне не удастся» [7, с. 408]. Впрочем, вину за свои неудачи в решении дипломатических вопросов с императрицей он возлагал на своих недоброжелателей и оппозицию при дворе Екатерины.

В конце августа 1783 г. Гаррис явился ко двору, чтобы проститься. На прощальной аудиенции Екатерина попросила посла передать королю Великобритании, что ей особенно приятно «видеть его дружеские к ней чувства и ничто не может быть искреннее той дружбы, которую она со своей стороны питает к нему» [8, с. 897–898]. Перед отъездом Гаррис удостоился помимо милостивой аудиенции, особого внимания Екатерины. «Гаррис едет, получив... весьма отличные дары, – сообщал Безбородко, – табакерку с портретом, для жены эгрет¹ и для сестры сердечко бриллиантовое» [2, с. 19].

Завершая свое повествование, Гаррис выразил надежду, что перед его преемником откроется «гладкая и легкая дорога» [8, с. 898] и его способности подскажут ему, каким образом лучше всего воспользоваться этими обстоятельствами. Он был убежден, что императрица чувствует «неправильность своих действий» [Там же] во время войны Англии с Бурбонами и Голландией. А своим «пристрастием, оказанным ею нашим врагам, она в одно и то же время существенным образом повредила и себе, и нам» [Там же]. Как видно, Гаррис не пожелал признать своего поражения в дипломатическом поединке с российской императрицей.

Итак, подводя итоги, можно заключить, что дипломатическая переписка британского посла Джеймса Гарриса позволила не только проследить перипетии договорного процесса между дипломатом и Екатериной II, но и познакомиться с его впечатлениями об императрице и ее ближайшем окружении. Конечно, не всегда характеристики первых лиц Российского государства отличались объективностью. Чаще всего положительной оценки дипломата заслуживали те высокопоставленные чиновники (Потемкин, братья Орловы, Безбородко), которые поддерживали Гарриса в продвижении интересов Великобритании. Тем не менее,

¹ Эгрет, или эгретка (франц. *aigrette*) – ювелирное украшение, похожее на брошь, крепящееся к головному убору или к прическе. Как правило, основным элементом эгрета является птичье перо или пучок перьев.

близкое знакомство со многими обитателями екатерининского двора дало возможность британскому послу представить их оригинальные портреты, что расширило представления наших современников о выдающихся государственных деятелях России последней трети XVIII столетия, а также о той эпохе, в которую они жили.

Библиографический список

1. Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. 2. Материалы. Варшава, 1897. С. 200–218.
2. Атлас Д. Джемс Гаррис, его дипломатическая миссия и письма из России // Труды слушательниц одесских высших женских курсов / Под ред. И.А. Линниченко. Одесса, 1910. Вып. 1. С. 1–51.
3. Валишевский К. Павел I. М., 2003.
4. Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1868. Т. 1. № 4. С. 584–600.
5. Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. 1. № 6. С. 1466–1512.
6. Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. 1. № 7. С. 143–186.
7. Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. Т. 1. № 8. С. 349–440.
8. Лорд Мальмсбюри (Гаррис) о России в царствование Екатерины II. 1781–1783 годы // Русский архив. 1874. Кн. II. № 11. С. 737–896.
9. Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С.А. Порошина). 1765 г. // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стлб. 1–68.
10. De Madariaga I. Britain, Russia and Armed Neutrality of 1780. New Haven, Yale, 1962.

Сведения об авторе / About the author

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; ведущий научный сотрудник, руководитель Центра «История межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока», Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Tatyana L. Labutina – Dr. History Hab.; Leading Researcher, head of the Center “History of cross-cultural communications of the West and East”, Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru